ИЗДАТЕЛЬСТВО ГРАМОТА

Филологические науки. Вопросы теории и практики
Philology. Theory & Practice

ISSN 2782-4543 (online)
ISSN 1997-2911 (print)

2026. Том 19. Выпуск 11 | 2026. Volume 19. Issue 11
Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): philology-journal.ru

RU

Концепт СТЫД в русской лингвокультуре: от социально-нравственного чувства к когнитивному концепту

Варенкова Н. И.

Аннотация. Цель исследования заключается в обосновании модели концепта СТЫД с использованием междисциплинарного подхода, предполагающего выявление и систематизацию понятийных, образных и ценностных признаков концепта СТЫД, репрезентированного в русском языке, с особым вниманием к его аксиологическому содержанию и способам языкового осмысления стыда как социально-нравственного чувства. В работе исследованы лексикографические, этимологические и текстовые способы репрезентации концепта СТЫД в русском языке, выявлены его понятийные, образные и ценностные признаки, отражающие культурно обусловленные представления о стыде как социально-нравственном чувстве. Научная новизна заключается в уточнении содержательной структуры концепта СТЫД посредством разграничения его информационно-дефиниционной, образной и аксиологической зон и определения распределения концептуальных признаков между ядром и периферией с учётом характеристик стыда, выделяемых в психологии эмоций. В результате было установлено, что ядро концепта образуют представления о нравственной норме, её нарушении, отрицательной самооценке, рефлексивности, эмоциональном дискомфорте и социальной обусловленности стыда. Выявлены образные признаки, связанные с телесными реакциями, пространственным поведением и представлением о стыде как воздействующей силе. Определено, что аксиологическое содержание концепта отражает связь стыда с честью, совестью, достоинством и общественной оценкой, а также его роль в нравственной регуляции поведения.

EN

The concept SHAME in Russian linguoculture: from a social-moral emotion to a cognitive concept

N. I. Varenkova

Abstract. The purpose of the study is to substantiate a model of the concept SHAME using an interdisciplinary approach that identifies and systematizes the notional, figurative, and axiological features of SHAME as represented in the Russian language, with particular attention to its axiological content and the linguistic conceptualization of shame as a social and moral emotion. The study examines lexicographic, etymological, and textual representations of SHAME in Russian and identifies its notional, figurative, and value-related features, which reflect culturally determined conceptions of shame as a social and moral emotion. The scientific novelty lies in clarifying the content structure of the concept SHAME by distinguishing its information-definitional, figurative, and axiological zones and determining the distribution of conceptual features between its core and periphery, taking into account the characteristics of shame identified in the psychology of emotions. The study establishes that the core of the concept consists of ideas about a moral norm, its violation, negative self-evaluation, reflexivity, emotional discomfort, and the social conditioning of shame. The work identifies figurative features associated with bodily reactions, spatial behavior, and the representation of shame as an influencing force. The axiological content of the concept reflects the connection between shame and honor, conscience, dignity, and social evaluation, as well as its role in the moral regulation of behavior.

Введение

Стыд относится к нравственным чувствам, в которых личное переживание тесно связано с принятыми в обществе нормами. Человек испытывает его индивидуально, однако основанием для оценки собственного поведения становятся представления о допустимом и недопустимом, усвоенные в определённой культурной среде. В языке этот опыт закрепляется в значениях слов, устойчивых выражениях, паремиях и текстах. В связи

Научная статья (original research article) | https://doi.org/10.30853/phil20260522

© 2026 Авторы. © 2026 ООО Издательство «Грамота» (© 2026 The Authors. © 2026 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

с этим особое значение приобретает исследование языковой репрезентации стыда, позволяющее выявить закреплённые в русском языке представления о его нравственном содержании, социальной обусловленности и ценностной значимости.

Актуальность исследования связана с необходимостью более глубокого понимания феномена стыда, который представляет собой, с одной стороны, лингвокультурологическое мыслительное образование, имеющее языковую объективацию в виде концепта СТЫД в академических и художественных источниках, с другой стороны, социально-нравственное чувство, закрепляемое в эмоционально-чувственной сфере индивида. В настоящее время в когнитивной лингвистике и психологии наблюдается недостаточное использование междисциплинарных подходов в исследовании явлений, закодированных в языковом сознании в виде мыслительной формы и пережитого чувственно-эмоционального опыта. Расширение границ исследования представляется ступенью к более глубокому пониманию синкретизации явлений сознания, находящихся в тесной взаимосвязи с сопоставлением этих двух сторон феномена. Такое сопоставление составляет основу междисциплинарного подхода, направленного на построение расширенной структурной модели концепта. Психология описывает особенности переживания стыда, его отношение к самооценке, социальной норме и реакции на оценку окружающих. Для лингвистического исследования существенен другой аспект: какие из этих признаков закреплены в языке и чем их состав дополняется в словарях и текстах. При таком подходе становятся заметны и расхождения между двумя описаниями.

Интерес к изучению нравственных концептов обусловлен развитием когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, в рамках которых язык рассматривается как средство закрепления и передачи культурно значимых представлений. Вопросы национально-культурной специфики картины мира и подходов к её исследованию рассматриваются в работе А. А. Залевской (2000), что имеет значение для изучения культурно обусловленного содержания концепта СТЫД.

Концепт СТЫД представляет особый интерес, поскольку объединяет знания о нравственных нормах, оценке поведения и отношениях человека с окружающими. В условиях изменения общественных представлений о допустимом и недопустимом, расширения форм межличностной и публичной коммуникации возрастает значение исследования языковых средств, посредством которых выражаются нравственная оценка, осуждение и отношение к репутации человека. Изучение этих средств позволяет уточнить особенности ценностного содержания концепта СТЫД и его место в русской языковой картине мира.

Отдельные стороны данной проблемы уже получили освещение в лингвистической литературе. Н. Д. Арутюнова (2000) рассматривает семантические связи стыда с совестью и особенности его языкового осмысления. В работах В. Ю. Апресян (2011a; 2011b) исследуются эмоциональные концепты и отношения между их семантическими признаками. С. А. Малахова (2008; 2009) обращается к содержанию концепта СТЫД в русском поэтическом дискурсе. Эти исследования создают основу для дальнейшего анализа, однако сохраняется необходимость рассмотреть понятийные, образные и ценностные признаки стыда в их взаимосвязи, сопоставив данные словарей, устойчивых выражений и художественных текстов. Такая систематизация позволяет уточнить содержательную структуру концепта и определить роль его аксиологической составляющей.

Отсюда возникает основной для исследования вопрос: насколько признаки стыда, выделяемые в психологии, совпадают с содержанием концепта СТЫД, реконструируемым по данным русского языка? Словарные дефиниции раскрывают прежде всего его понятийную сторону. Тексты дают более широкую картину: в них обнаруживаются оценочные, телесные, пространственные и другие образные признаки, которые не всегда входят в словарные толкования. Сопоставление этих данных позволяет увидеть как общую часть двух описаний, так и их различия, а затем реконструировать структуру концепта СТЫД. Необходимость дальнейшего изучения концепта связана и с изменением условий современной коммуникации, в которой нравственная оценка человека всё чаще становится предметом публичного обсуждения. При этом языковые способы выражения стыда, осуждения и бесстыдства сохраняют связь с традиционными представлениями о нравственных нормах, но могут приобретать новые смысловые оттенки.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Сопоставить основные признаки в описании чувства стыда, выделяемые в психологических исследованиях, с его лингвистическим осмыслением, и определить характер соотношения стыда с семантически близкими нравственными категориями, прежде всего с виной.

2. Реконструировать информационно-дефиниционную и этимологическую структуру концепта СТЫД на материале этимологических, толковых и синонимических словарей русского языка.

3. Выявить и систематизировать образные признаки концепта СТЫД, актуализируемые в текстовом материале.

4. Определить ценностные признаки концепта СТЫД и установить его место в языковом представлении о нравственной регуляции поведения.

5. Построить когнитивно-психологическую модель концепта СТЫД.

Теоретико-методологическую базу исследования составили принципы лингвокогнитивного анализа, разработанные в трудах З. Д. Поповой и И. А. Стернина (2007), Н. Н. Болдырева (2001), М. В. Пименовой (2013) и В. А. Масловой (2004), в которых рассматриваются природа концепта, его структура и особенности языкового выражения. Лингвокультурологический аспект исследования основывается на понимании концепта как культурно значимого ментального образования, соотносимого с языковым сознанием и ценностными представлениями носителей языка (Воркачев, 2001).

В понимании З. Д. Поповой и И. А. Стернина (2007) концепт представляет собой сложное ментальное образование, содержание которого не ограничивается значением отдельного слова. Рассмотрение лингвокультурного концепта как системного образования представлено в работе Г. Г. Слышкина (2004), что позволяет учитывать взаимосвязь его содержательных компонентов при построении структурной модели концепта СТЫД.

В данной работе учитывается прежде всего принцип полевой организации концепта: он позволяет разграничить наиболее устойчивые признаки стыда и те представления, которые обнаруживаются в отдельных языковых контекстах. С этим соотносится положение Н. Н. Болдырева (2001) о неполном соответствии лексического значения содержанию концепта. Словарная дефиниция обозначает лишь часть знаний о стыде, тогда как фразеология и художественные тексты обнаруживают дополнительные смысловые связи, не всегда очевидные при обращении к толковым словарям.

При изучении образного содержания концепта мы опираемся на работу М. В. Пименовой (2013), в которой разграничиваются мотивирующие, понятийные и образные признаки. Такой подход даёт возможность проследить, как представление о стыде раскрывается через внутреннюю форму слова, его словарные значения и метафорические употребления. В частности, телесные реакции, пространственные образы и представления о стыде как воздействующей силе рассматриваются не как случайные особенности отдельных выражений, а как способы осмысления эмоционального опыта.

Для понимания ценностной стороны концепта существенны положения В. А. Масловой (2004) о связи языка с культурой и национальной картиной мира. Представление о концепте как носителе культурно значимого содержания находит отражение и в исследованиях Ю. С. Степанова (1997), что служит теоретическим основанием для рассмотрения нравственных и ценностных характеристик концепта СТЫД.

Стыд в этом отношении представляет интерес не только как название чувства. Его языковое содержание связано с представлениями о допустимом поведении, совести, чести, достоинстве и отношении окружающих. Поэтому при анализе учитываются не только значения слова *стыд*, но и устойчивые выражения, пословицы и контексты, в которых обнаруживается нравственная оценка человека и его поступков.

Современные исследования расширяют представления о концепте СТЫД. В работе И. Хуан и Я. А. Волковой (2023) на основе лексикографического анализа рассматриваются универсальные и национально-культурные особенности репрезентации концепта СТЫД в русском и китайском языках. Исследование Х. Цуй (2024) посвящено метафорическим моделям данного концепта в интернет-коммуникации. Автор выделяет природоморфные, перцептивные, артефактные, пространственные и антропоморфные метафоры, посредством которых выражаются различные признаки стыда. Эти результаты представляют интерес для систематизации образных характеристик концепта, выявляемых в художественных и корпусных контекстах.

Обращение к всем этим работам позволило сопоставить психологические характеристики концепта СТЫД с признаками, закреплёнными в русском языке, и определить, какие стороны переживания получают наиболее отчётливое выражение в словарях, фразеологии и текстах, а какие остаются менее заметными в исследованном материале.

В соответствии с поставленными задачами в работе применяются следующие методы:

– метод концептуально-дефиниционного и компонентного анализа;
– метод контекстуального анализа и когнитивно-метафорического моделирования;
– метод аксиологической интерпретации и полевого структурирования.

При решении поставленных задач использовались методы концептуально-дефиниционного и компонентного анализа. Обращение к словарным толкованиям позволило установить основные значения слова *стыд*, выделить их семантические составляющие и проследить связи с понятиями вины, совести, чести и позора. Контекстуальный анализ применялся при изучении фразеологизмов, пословиц и художественных текстов, где отдельные признаки стыда получают более развёрнутое выражение. Для описания образной составляющей концепта использовалось когнитивно-метафорическое моделирование: рассматривалось, как стыд осмысляется через телесные ощущения, пространственные образы и действия, приписываемые самому чувству. Аксиологическая интерпретация была необходима при выявлении нравственных оценок, связанных со стыдом и бесстыдством, а также представлений о достоинстве, репутации и общественном осуждении. На завершающем этапе применялось полевое структурирование, позволившее распределить выявленные признаки между ядром, ближней и образной периферией концепта СТЫД и выделить его аксиологическую зону.

Материалом исследования послужили дефиниции авторитетных лексикографических источников русского языка: этимологических словарей М. Фасмера (2003), а также Н. М. Шанского, В. В. Иванова, Т. В. Шанской (1971), толкового словаря живого великорусского языка В. И. Даля (1998), толкового словаря русского языка под ред. Д. Н. Ушакова (ТСРЯ, 1996), Большого толкового словаря русского языка под ред. С. А. Кузнецова (БТСРЯ, 2000), словаря русских пословиц и поговорок В. П. Жукова (2000), словаря синонимов русского языка под ред. А. П. Евгеньевой (ССРЯ, 2003), словаря языка поэзии Н. Н. Ивановой (2004), а также текстовая выборка объемом более 500 контекстов бытования лексемы-репрезентанта *стыд*, извлеченная методом сплошной выборки из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и произведений русской художественной литературы и поэзии XVIII-XXI веков (Малахова, 2008).

Практическая значимость исследования связана с возможностью использования полученных результатов в вузовских курсах по когнитивной лингвистике, семантике и лексикологии. Предложенная структура концепта СТЫД может быть использована и в лексикографической практике, например при описании нравственных концептов и составлении идеографических тезаурусов.

Обсуждение и результаты

Стыд как социально-нравственное формируемое чувство: психологический и этический аспекты

Языковому анализу стыда в нашем исследовании предшествует обращение к его психологическому и этическому содержанию. Здесь важно развести два плана: переживаемое человеком чувство и сложившиеся в языке представления о нем. Они, безусловно, связаны, однако тождественными не являются. Психология обращается прежде всего к самому переживанию – состоянию человека, его самооценке и реакции на происходящее. Данные положения служат основой для последующего сопоставления с языковым материалом. В языке закрепляются культурно обусловленные представления о чувстве стыда и те признаки данного переживания, которые приобрели значимость для носителей русской лингвокультуры.

В психологических работах чувство стыда связывается прежде всего с обращением человека к самому себе как объекту оценки. К. Э. Изард (2002) относит его к фундаментальным эмоциям и описывает переживание собственной несостоятельности, неадекватности, несоответствия предъявляемым требованиям. Меняется и фокус внимания. В центре оказывается уже не столько произошедшее событие, сколько собственное «Я»: что совершил человек, каким он предстает в этой ситуации и каким его могут увидеть окружающие. В данном случае для анализа чувства стыда существенны направленность оценки на собственное «Я», переживание несоответствия и зависимость самооценки от предполагаемой реакции других людей.

Несколько иначе расставляет акценты Е. П. Ильин (2002). Чувство стыда он связывает с обнаруживаемым человеком несоответствием собственного поведения, поступка, внешности или личностных качеств социальным и нравственным требованиям (Ильин, 2002). Здесь особенно важна сама точка отсчета. Чтобы испытать стыд, человек уже должен располагать представлением о допустимом и недопустимом, должном и осуждаемом. Отсюда следуют еще три признака: нормативность, социальная обусловленность и осознание несоответствия норме. Телесные реакции сопровождают такое переживание, но его содержание ими, очевидно, не ограничивается.

Иной ракурс предлагает Ж.-П. Сартр (1989). В его трактовке стыд появляется в присутствии Другого: человек неожиданно обнаруживает себя не только субъектом собственного действия, но и объектом чужого взгляда. Возникает вопрос: *каким меня видит другой?* Реального осуждения при этом может и не быть – достаточно самой возможности оценки (Сартр, 1989). Человек словно смотрит на себя чужими глазами, и этот взгляд включается в его собственную оценку. Здесь особенно ясно проявляется интерсубъективность стыда.

С этой точки зрения понятнее становится и его отличие от вины. Н. Д. Арутюнова (2000) связывает оба состояния с нарушением нормы, однако оценивается в них не совсем одно и то же. Вина возвращает человека прежде всего к поступку и ответственности за совершенное. Чувство стыда затрагивает его самого: каким он видит себя после произошедшего и каким, по его представлению, выглядит в глазах других.

Стыд, напротив, затрагивает представление субъекта о самом себе и возникает в связи с осознанием собственной несостоятельности, недостойности или несоответствия определённому нормативному образцу (Арутюнова, 2000). Таким образом, сопоставление психологических и философско-психологических трактовок позволяет выделить комплекс признаков, характеризующих состояние стыда как эмоционально-нравственное чувство:

1) *социальную обусловленность* – возникновение и содержание стыда связаны с системой усвоенных социальных, культурных и нравственных норм;

2) *рефлексивность* – переживание предполагает способность субъекта соотносить собственное «Я» с определённым нормативным или ценностным образцом;

3) *интерсубъективность* – существенную роль играет реальный или мысленно представляемый взгляд Другого и предполагаемая оценка со стороны окружающих;

4) *нормативно-ценностную детерминированность* – стыд возникает при осознании несоответствия поведения, качеств или образа «Я» принятым требованиям;

5) *негативную самооценку* – объектом эмоциональной оценки становится не только конкретный поступок, но и личность субъекта;

6) *эмоциональный дискомфорт* – переживание сопровождается внутренним напряжением, неловкостью, болезненностью и ощущением собственной уязвимости;

7) *поведенческую направленность на сокрытие и дистанцирование* – субъект стремится уменьшить вероятность дальнейшего оценивания, избегать взгляда окружающих или выйти из ситуации;

8) *регулятивную функцию* – переживание стыда ограничивает поведение и способствует соблюдению усвоенных социальных и нравственных норм;

9) *связь с другими морально-этическими состояниями,* прежде всего с виной, совестью, раскаянием, унижением и страхом отрицательной социальной оценки.

Особого внимания требует соотношение стыда и вины. Сопоставительное исследование концептов СТЫД и ВИНА в русской и немецкой лингвокультурах представлено в работе Е. А. Дженковой (2005), что свидетельствует о значимости разграничения данных нравственных концептов при анализе их языковой репрезентации. Эти переживания близки: оба связаны с нарушением нормы и отрицательной оценкой произошедшего,

но направлена эта оценка по-разному. Вина возвращает человека прежде всего к поступку и ответственности за него: совершенное можно признать, а его последствия – попытаться исправить. Стыд затрагивает уже представление о самом себе. Человек видит собственное «Я» как не соответствующее значимому нормативному образцу, и отсюда возникает другая реакция – желание уйти от чужого взгляда, скрыть свое состояние, дистанцироваться от ситуации.

Впрочем, в реальном переживании провести столь четкую границу удается не всегда. Стыд и вина могут возникать одновременно: человек чувствует вину из-за совершенного и вместе с тем стыдится самого себя. Поэтому различие касается скорее преобладающего направления оценки, а не существования двух изолированных состояний. Человек оценивает уже самого себя – и нередко пытается уйти от ситуации, в которой эта оценка становится видимой для Другого.

Отдельного рассмотрения требует разграничение стыда как эмоции и стыда как чувства. Е. П. Ильин (2002) разграничивает эмоции как реакции на актуально значимую ситуацию и чувства как более устойчивые отношения человека к определенному объекту или явлению. Стыд может проявляться и в том, и в другом качестве. В конкретной ситуации он переживается непосредственно, обнаруживая себя в телесных реакциях и поведении. Но представления о допустимом и недопустимом не исчезают вместе с завершением ситуации. Усвоенные нормы сохраняются и позднее становятся основанием, с которым человек соотносит собственные поступки.

Для языкового анализа это разграничение имеет вполне конкретное значение. В текстах стыд предстаёт через непосредственные проявления – покраснение лица, ощущение жара или холода, отведённый взгляд, попытку скрыться. Однако за отдельной реакцией обнаруживается и более устойчивый смысл: стыд связан с усвоенной нормой, самооценкой и мнением окружающих. В психологическом плане перед нами не только ситуативная эмоция. Стыд становится социально-нравственным чувством тогда, когда человек оценивает самого себя, соотнося собственное «Я» с теми представлениями о допустимом и недопустимом, которые им уже усвоены.

Для сопоставления с языковым материалом выделим основные характеристики состояния, номинируемого стыдом: социальную и нормативно-ценностную обусловленность, рефлексивность и интерсубъективность, отрицательную самооценку, осознание несоответствия норме, эмоциональный дискомфорт, ориентацию на оценку Другого, стремление к сокрытию и регулятивную функцию. Телесные и поведенческие реакции связаны прежде всего с конкретной ситуацией переживания. Далее важно установить, какие из этих признаков закреплены в языке, а какие остаются преимущественно в сфере психологического описания.

Рассмотрение концепта СТЫД как мыслительного образования и толкование чувственно-переживаемого опыта стыда на междисциплинарном уровне

Исследование концепта СТЫД предполагает обращение не только к способам его языковой репрезентации, но и к характеристикам стыда как социально-нравственного чувства. Это обусловлено тем, что содержание концепта формируется в процессе осмысления индивидуального эмоционального опыта, соотнесённого с общественными нормами и культурными представлениями. Описания стыда, представленные в трудах специалистов по психологии эмоций, позволяют выделить основные особенности данного переживания и сопоставить их с признаками, закреплёнными в русском языке. Такое сопоставление даёт возможность установить, какие характеристики стыда получают языковое выражение, какие представлены менее отчётливо и какие дополнительные смысловые связи обнаруживаются при анализе лексикографических источников и текстов. Междисциплинарный подход служит основой для более полной реконструкции понятийных, образных и ценностных признаков концепта СТЫД и построения его структурной модели.

Признаки стыда, выделенные в психологических и этических работах, становятся отправной точкой для анализа языкового материала. Однако речь идёт о двух разных ракурсах одного явления. Психология обращается к самому переживанию, условиям его возникновения и реакциям человека. Лингвокогнитивный анализ ставит другой вопрос: что из этого опыта закрепляется в языке и входит в содержание концепта СТЫД. При этом концептуальное содержание не ограничивается средствами его языкового выражения, что согласуется с положением о невербальном характере мышления, рассматриваемым И. А. Стерниным (1999).

Это содержание шире словарного значения лексемы *стыд*. Помимо понятийных характеристик, в него входят образные и ценностные признаки, которые проявляются в устойчивых сочетаниях, паремиях и текстах. Поэтому признаки стыда как социально-нравственного чувства, выявленные на основе анализа психологических исследований, сопоставляются с признаками концепта СТЫД, репрезентированными в русском языке. При этом внимание уделяется не только совпадению рассматриваемых характеристик. Важно увидеть, какие характеристики получают в языке иное развитие, а какие представлены слабее или переходят из понятийной области в образную.

Общая часть обнаруживается достаточно отчётливо. И психологическое описание, и языковой материал связывают стыд с отрицательной оценкой себя или собственного поведения, несоответствием значимой норме и эмоциональным дискомфортом. Сохраняется и социальная составляющая: человек оценивает себя относительно усвоенных представлений о допустимом и одновременно учитывает возможную реакцию окружающих.

Полного соответствия здесь всё же нет. Психология подробнее раскрывает само переживание – его возникновение, связь с самооценкой и взглядом Другого, телесные и поведенческие реакции. В словарной дефиниции часть этих признаков отсутствует, но обнаруживается в текстах. Так, стремление уйти от чужой оценки

выражается через отведённый взгляд, сокрытие лица или попытку стать незаметным, а интенсивность стыда – через покраснение, жар, холод и дрожь. То, что психология описывает как реакцию на стыд, в языке становится основой его образного осмысления. Таким образом, характеристики, описываемые в психологии как особенности переживания и поведения человека, в языке приобретают конкретное образное воплощение.

Сопоставление рассмотренных данных позволяет разграничить две группы признаков.

Первую группу составляют признаки, характеризующие стыд как социально-нравственное чувство и находящие отражение в лингвокогнитивном описании концепта СТЫД:

– социальная обусловленность;
– нормативно-ценностная ориентированность;
– отрицательная оценка себя или собственного поведения;
– осознание несоответствия определенному образцу поведения или качества;
– эмоциональный дискомфорт;
– связь переживания с самооценкой;
– взаимосвязь с другими морально-этическими категориями, прежде всего с ВИНОЙ, СОВЕСТЬЮ, ЧЕСТЬЮ и ПОЗОРОМ;
– регулятивный потенциал, выражающийся в ограничении социально неодобряемого поведения.

Вторую группу составляют признаки, подробно рассматриваемые в исследованиях стыда как социально-нравственного чувства, однако не получающие столь же отчётливого выражения в лингвокогнитивной зоне концепта СТЫД:

– конкретная физиологическая динамика переживания;
– выраженная соматизация эмоционального состояния;
– непосредственная зависимость переживания от предполагаемого взгляда Другого;
– переживание собственной уязвимости перед внешней оценкой;
– стремление физически уменьшиться, скрыться или прекратить визуальный контакт;
– поведенческая стратегия избегания;
– интенсивность эмоционально-телесной реакции;
– возможность перехода от внутреннего переживания к конкретному поведенческому сценарию.

Вторую группу можно рассматривать как лакунарную зону понятийной репрезентации, однако такое понимание лакунарности требует уточнения. Лакуна в данном случае не означает полного отсутствия соответствующего признака в содержании концепта СТЫД. Речь идёт о его недостаточной эксплицированности именно на понятийно-дефиниционном уровне. Обращение к художественным и корпусным контекстам показывает, что часть таких характеристик обнаруживается в других зонах концепта, прежде всего в его образном содержании.

Показателен в этом отношении признак телесности. В психологическом описании изменение цвета лица, ощущение жара или холода и другие соматические реакции характеризуют протекание самого переживания. В языке эти проявления становятся способом образного представления стыда: он связывается с жаром и холодом, получает признаки физического воздействия и телесного дискомфорта. Сходное преобразование происходит с поведенческой реакцией избегания. Психологическое стремление уйти от внешней оценки передаётся в текстах через пространственные образы сокрытия, отведения взгляда и удаления из ситуации контакта.

Сопоставление показывает, что психологическая и языковая модели описания стыда совпадают лишь частично и в ряде случаев дополняют друг друга. Психология подробнее описывает само переживание: его возникновение, развитие, эмоциональные и поведенческие реакции. В языке на первый план выходят несколько иные стороны. В словарных определениях мы видим прежде всего нормативную и оценочную составляющую стыда. Обращение к текстам меняет картину: здесь становятся заметны телесные, пространственные и другие образные признаки, не всегда представленные в дефинициях.

Отсутствие признака в словарном толковании ещё не означает, что он не входит в содержание концепта СТЫД. Иногда он становится заметен только в конкретных употреблениях. Так происходит, например, с телесными проявлениями стыда или стремлением человека скрыться от чужого взгляда. Словарные данные в нашем анализе позволяют очертить устойчивое понятийное ядро концепта. Тексты дополняют эту картину и обнаруживают то, что дефиниция оставляет за своими пределами, – прежде всего образные и ценностные характеристики стыда.

В Таблице 1 систематизированы ключевые дифференциальные параметры рассматриваемых феноменов, лежащие в основе их языковой концептуализации.

Таблица 1. *Сопоставительные параметры эмоций и чувств (по Е. П. Ильину (2002))*

Дифференциальный признак	Эмоциональная реакция	Чувство (эмоциональная установка)
Эволюционный генезис	Ранний, присущ животным и человеку	Поздний, свойственен преимущественно человеку
Предметная соотнесённость	Привязана к локальным ситуациям и событиям	Привязана к объектам стабильной значимости
Временная динамика	Кратковременна, ситуативна («здесь и сейчас»)	Устойчива, обладает долговременным характером
Модальная вариативность	Однородна в моменте своего протекания	Способна манифестироваться через разные эмоции

Информационно-дефиниционная структура концепта СТЫД в лексикографическом отображении

Концепт в нашем исследовании не сводится к значению отдельного слова. З. Д. Попова и И. А. Стернин определяют его как «глобальную мыслительную единицу, квант структурированного знания» (2007, с. 24). Слово

в таком случае выступает одним из способов обращения к этому знанию, но не передаёт всего его содержания. Оно складывается из индивидуального и коллективного опыта и может пополняться новыми признаками.

На изменчивость содержания концепта обращает внимание Н. Н. Болдырев (2001). В речемыслительной деятельности оно уточняется и пополняется новыми признаками, соединяя индивидуальный опыт с коллективными представлениями (Болдырев, 2001, с. 25). Несколько иной акцент находим у М. В. Пименовой (2013, с. 128): концепт охватывает знания человека о соответствующем фрагменте действительности. Его содержание, следовательно, не исчерпывается тем, что закреплено в словарном значении слова.

Применительно к стыду как социально-нравственному чувству данная закономерность проявляется особенно отчётливо. Словарная дефиниция фиксирует лишь часть его признаков; другие – обнаруживаются в устойчивых выражениях, пословицах, поговорках и конкретных текстах. При систематизации материала мы опираемся на разграничение понятийного, образного и ценностного компонентов концепта, предложенное В. А. Масловой (2004, с. 35). Если наиболее устойчивые характеристики составляют ядро концепта СТЫД, то признаки, раскрывающиеся преимущественно через образное и ценностное осмысление стыда, могут быть отнесены к его периферии. Такое разграничение позволяет уточнить содержательную структуру концепта и определить особенности распределения его признаков.

Понятийное ядро концепта СТЫД можно восстановить по данным словарей. Именно в них представлены семы, отражающие наиболее устойчивые представления о чувстве стыда, хотя складывались они на протяжении длительного времени и сохраняют следы исторических изменений значения. Обратимся сначала к происхождению слова. Существительное ***стыд*** этимологически связано с глаголом ***стыть*** (Шанский, Иванов, Шанская, 1971, с. 430). Праславянские формы ***stydъ*** и ***studъ*** соотносятся с семантикой холода и замерзания; эта же основа представлена в словах *стужа, студеный, стылый* (Фасмер, 2003, с. 789).

Интересно соседство температурного и нравственного значений: в славянских языках близкие формы обозначают холод и стужу, но вместе с тем соотносятся со стыдом, срамом и отвращением. Здесь, однако, нужна осторожность. Этимология позволяет проследить историю слова, но современное содержание концепта СТЫД непосредственно из неё не выводится.

В данном случае важнее другое, а именно: история слова показывает, что нравственное переживание могло осмысляться через телесный опыт. Эта связь заметна и в более поздних текстах: стыд описывается через холод, жар, оцепенение и другие физиологические ощущения. К этим образам мы вернёмся при анализе образной составляющей концепта.

Традиционное понимание чувства стыда отражено в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля (1998). В его толковании объединяются представления о раскаянии и самоосуждении, застенчивости, скромности, целомудрии и страхе перед позором (Даль, 1998). Такое сочетание значений свидетельствует о многогранности содержания стыда, который соотносится с внутренней нравственной оценкой человеком собственных поступков, стыдливостью как качеством личности и внешним общественным осуждением – «срамом, позором». Иначе говоря, уже в словаре Даля внутреннее переживание стыда нельзя полностью отделить от того, как человек оценивает себя и каким он предстаёт перед другими. Чувство стыда выступало одновременно и тяжёлым субъективным переживанием, и моральным барьером, защищающим честь человека.

В толковых словарях советского и современного периодов формулировки становятся более дифференцированными, рациональными и психологически ориентированными. В словаре под редакцией Д. Н. Ушакова (ТСРЯ, 1996, с. 1500) лексическая единица *стыд* определяется как состояние тяжёлой душевной подавленности, чувство позора и неловкости, порождённое осознанием предосудительности и неблаговидности поведения. В «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова (БТСРЯ, 2000, с. 1536) *стыд* связывается с сильным смущением, неловкостью и отрицательной оценкой собственного поведения. Такое толкование показывает близость чувства стыда к чувству вины, смущению и позору, хотя полностью эти состояния не совпадают. Их объединяет прежде всего осознание предосудительности совершённого и его отрицательная оценка. Различие чувства стыда и вины, рассмотренное ранее в подразделе, сохраняется и здесь: вина в большей степени обращена к поступку, чувство стыда – к оценке человеком самого себя. В словарном материале наиболее последовательно представлены следующие признаки концепта СТЫД:

– *эмоциональный дискомфорт – неловкость, смущение, подавленность;*

– *рефлексивность и самооценка – обращение внимания на свой поступок, поведение или собственное «Я» и их оценка;*

– *несоответствие норме – осознание предосудительности совершенного;*

– *нормативно-ценностная ориентированность – соотнесение поведения с представлениями о допустимом и недопустимом;*

– *социальная направленность – зависимость от реальной или предполагаемой оценки окружающих;*

– *связь с нравственными категориями – виной, совестью, позором и честью;*

– *регулятивность – ограничение поведения, воспринимаемого как недопустимое*.

Синонимические связи расширяют эту картину (ССРЯ, 2003). Лексические единицы, характеризующие *неловкость, смущение, конфуз, срам, позор, бесчестье* сближаются со *стыдом*, но не совпадают с ним по значению. *Неловкость* и *смущение* передают прежде всего состояние самого человека, тогда как *срам, позор, бесчестье* заметнее связаны с внешней оценкой и репутацией. Здесь мы видим как в синонимическом ряду проявляется движение от внутреннего переживания к его общественному измерению.

Информационно-дефиниционное ядро концепта СТЫД составляют нормативность, осознание несоответствия норме, отрицательная самооценка, рефлексивность, эмоциональный дискомфорт и социальная направленность. При определении семантического содержания концепта СТЫД учитываются также результаты исследования Е. Р. Иоанесян (2016), посвящённого семантике стыда и особенностям его языкового выражения. Сюда же входят семантические и ценностные связи с концептами *ВИНА, СОВЕСТЬ, ПОЗОР* и *ЧЕСТЬ*, а также регулятивная функция.

Несколько особняком стоит обнаруженная при этимологическом анализе температурная семантика, которую включать непосредственно в понятийное ядро на данный момент нет оснований. Однако в текстах эта связь возникает вновь – уже в образах холода, жара и телесных реакций. При этом словарь оставляет за пределами определения немало существенных деталей. Телесность стыда, пространственное поведение человека и представление о чувстве стыда как силе, способной воздействовать на него, гораздо отчётливее проступают в конкретных текстах. Обращение к паремиологическому и текстовому материалу позволяет установить образные и ценностные признаки концепта СТЫД, что приведёт к пополнению содержания концепта.

Если понятийное ядро концепта сообщает о логической сущности феномена, то его образная сторона овеществляет абстрактную категорию, переводя её в плоскость чувственно воспринимаемого опыта. На основе анализа контекстов художественного и публицистического дискурса (НКРЯ), а также поэтического корпуса текстов установлено, что вербализация стыда опирается на систему концептуальных метафор, распределённых по нескольким доминантным кодам.

Соматический и физиологический код. Первичным основанием для образной объективации переживания чувства стыда выступают телесные реакции человеческого организма. В психофизиологических исследованиях феноменологии стыда базовыми маркерами состояния признаются сосудистые изменения, выражающиеся в гиперемии кожных покровов лица («краска стыда»), учащении пульса и субъективном ощущении прилива тепла (Дарвин, 2001; Изард, 2002; Ильин, 2002). В языке эти реальные психофизиологические реакции получают метафорическое осмысление через образ пламени или агрессивной горячей субстанции («Стыд – это огонь / термическое воздействие»): *«…лица их вспыхнули густым, жарким стыдом»* (Липатов В. В. И это всё о нём. 1984 (НКРЯ)), *«…щёки горели от невыносимого стыда»* (Шолохов М. А. Тихий Дон. 1940 (НКРЯ)), *«Ужели ты не видишь, / Как щёки у меня горят, как трудно / Мне говорить об этом пред тобой? / Мне стыдно!»* (Гумилёв Н. С. Дон Жуан в Египте. 1912 (НКРЯ)), *«Сгораю / Я, вспоминая, от стыда…»* (Майков А. Н. Исповедь. 1841 (НКРЯ)).

Дискурсивный материал фиксирует дифференциацию колоративных маркеров: ярко-красная «краска стыда» сопряжена с глубокой виной и раскаянием (*«Горьким рождённая чувством, / Яркая краска стыда»* (Никитин И. Кулак. 1856 (НКРЯ))), тогда как розовый оттенок кодирует скромность, деликатность и застенчивость (*«…розовый цвет их подобился цвету стыда»* (Лермонтов М. Джулио. 1830 (НКРЯ)); *«…румянец робкия стыдливости терять»* (Жуковский В. К Нине. 1808 (НКРЯ))).

Наряду с «огневой» семантикой соматический код включает и противоположный – хладоморфный регистр, актуализирующий представления о физиологическом оцепенении и внутреннем охлаждении (*стыть, стужа*): *«Пот хладный страха и стыда / Пробьёт на их челе угрюмом…»* (Вяземский П. Негодование. 1820 (НКРЯ)); *«Я дрожу от стыда – я смеюсь! Вы солгали мне, тени!»* (Брюсов В. В тени. 1892 (НКРЯ)); *«…и ужас, точно льдом, / Сковал мне грудь, – лицо горит стыдом»* (Минский Н. Белые ночи. 1879 (НКРЯ)).

Таким образом, соматический и физиологический коды актуализируют следующие признаки концепта СТЫД: телесность переживания; изменение температуры тела; гиперемию кожных покровов; жар и холод как противоположные физиологические реакции; непроизвольность телесных проявлений; высокую интенсивность эмоционального состояния; цветовую дифференциацию переживания; сопряжённость стыда с виной, раскаянием, застенчивостью и страхом.

Пространственный код. В текстовых репрезентациях чувства стыда неоднократно воспроизводится ситуация, при которой субъект стремится уменьшить собственную видимость и избежать оценивающего взгляда Другого. Переживание передаётся через изменение пространственного поведения: человек отводит взгляд, закрывает лицо, отворачивается, прячется или стремится удалиться из ситуации оценки. В основе таких контекстов лежит образная модель СТЫД – ЭТО СОКРЫТИЕ / ИСЧЕЗНОВЕНИЕ: *«Я в тоске недоумелой / Отвожу стыдливый взор…»* (Иванов В. Если белый цвет и чёрный… 1909 (НКРЯ)); *«Закрыв лицо и грудь, горящие стыдом, / Как серна, бросилась в другую половину…»* (Полежаев А. День в Москве. 1832 (НКРЯ)); *«…В подушки прятать свой позор и стыд…»* (Брюсов В. Умирающий день. 1895 (НКРЯ)); *«Остановился, смотрит вниз: / “Ужасно стыдно, отвернись!”»* (Цветаева М. В сквере. 1911 (НКРЯ)).

В привед`нных примерах чувство стыда изменяет положение субъекта относительно окружающего пространства и других людей. У В. Иванова переживание выражается через отведение взгляда; у А. Полежаева закрывание лица и груди сочетается с физическим удалением; у В. Брюсова возникает образ сокрытия; у М. Цветаевой непосредственным становится требование прекратить визуальный контакт. Эти реализации объединяет оппозиция «видимость – невидимость»: переживающий стыд субъект стремится ограничить возможность быть увиденным и тем самым дистанцироваться от ситуации оценки.

Таким образом, пространственный код актуализирует следующие признаки концепта СТЫД: *стремление к сокрытию; уменьшение собственной видимости; избегание взгляда Другого; отведение взгляда; закрытие лица или тела; пространственное дистанцирование; стремление покинуть ситуацию оценки; зависимость переживания от присутствия или предполагаемой оценки окружающих*.

Антропоморфный и витально-агрессивный коды. В другой группе контекстов чувство стыда перестаёт изображаться только как внутреннее состояние субъекта и приобретает свойства воздействующей на него силы. Он причиняет боль, мучает, тяготит, ограничивает свободу действия или выступает средством наказания. Такое представление реализует несколько близких образных моделей: СТЫД – ЭТО ФИЗИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ, СТЫД – ЭТО МУЧЕНИЕ, СТЫД – ЭТО НАКАЗАНИЕ: *«Пощади, не довольно ли жалящей боли, / Темной пытки отчаянья, пытки стыда!»* (Гумилев Н. Беатриче. 1906 (НКРЯ)); *«…Всю вашу сволочь буду / Я мучить казнию стыда!..»* (Пушкин А. О муза пламенной сатиры! 1824 (НКРЯ)); *«Был тёмный стыд, как смерть неотвратимый, / Который горше смерти тяготит…»* (Гумилев Н. Отравленная туника. 1918 (НКРЯ)).

Выбор предикатов и сравнений в этих контекстах переводит абстрактное нравственное переживание в область физически воспринимаемого воздействия. У Н. Гумилёва чувство стыда сближается с *пыткой*, *болью* и непосильной тяжестью; у А. Пушкина возникает ещё более жёсткий образ – *«казнию стыда»*. Стыд переживается человеком – он словно сам действует на него: мучает, тяготит, наказывает. Телесно воспринимаемая боль при этом не отделена от нравственного смысла. *Пытка, казнь, тяжесть* появляются там, где человек или его поступок становятся объектом отрицательной оценки. Физическое страдание оказывается способом говорить о страдании нравственном, а сам стыд приобретает признаки силы, от воздействия которой трудно освободиться. Отсюда основные признаки антропоморфного и витально-агрессивного кодов: *агентивность, тяжесть, болезненность, мучительность, интенсивность* и *ограничение свободы субъекта*. К ним присоединяются представления о стыде как о трудно преодолимой силе и своеобразном наказании, связанном с нравственной оценкой человека и его поступков.

Локативный код. Ещё один способ образного представления стыда связан с его помещением во внутреннее пространство человека. В качестве локусов переживания выступают прежде всего *душа* и *сердце*, традиционно соотносимые в языке с эмоциональной и нравственной жизнью личности: *«…Я кровь от рук твоих отмою, / Из сердца выну чёрный стыд…»* (Ахматова А. Мне голос был. 1917 (НКРЯ)); *«Душа полна стыда и страха, / Влачится в прахе и крови»* (Мережковский Д. Проклятие любви. 1895 (НКРЯ)); *«И стыдно стало грёзы / Тут сердцу моему…»* (Анненский И. Опять в дороге. 1906 (НКРЯ)); *«Но голос чести и стыда / В его душе самолюбивой / Таились яростно всегда…»* (Полежаев А. Кориолан. 1834 (НКРЯ)).

В этих контекстах чувство стыда получает определённую внутреннюю локализацию. *Душа* и *сердце* функционируют как культурно значимые вместилища эмоционального и нравственного опыта. Особенно показателен пример А. Ахматовой: сочетание *«выну чёрный стыд»* представляет переживание как нечто находящееся внутри сердца и допускающее мысленное удаление из него. У Д. Мережковского конструкция *«душа полна стыда»* также придаёт стыду черты содержимого внутреннего пространства. В примере А. Полежаева чувство стыда локализуется в душе и одновременно сближается с честью, что подчёркивает его принадлежность к нравственно-оценочной сфере.

В локативном коде чувство стыда получает вполне определённое «место» – душу и сердце. Оно мыслится как нечто находящееся внутри человека и даже способное быть оттуда удалённым. Отсюда и признак субстанциональности: переживание представлено так, словно обладает некоторой материальностью. Такая локализация не случайна – душа и сердце становятся пространством нравственного переживания и самооценки.

Вместе с другими рассмотренными образами это заметно расширяет картину, которую дают словарные определения. В текстах чувство стыда становится почти физически ощутимым, причём разные способы его изображения пересекаются: телесная реакция сопровождает желание стать незаметным, уход от чужого взгляда связан с оценкой Другого, а метафорическая боль – с отрицательной оценкой себя или своего поступка.

В анализируемом материале наиболее устойчивы модели СТЫД – ЭТО ФИЗИОЛОГИЧЕСКАЯ РЕАКЦИЯ; СТЫД – ЭТО ЖАР/ХОЛОД; СТЫД – ЭТО СОКРЫТИЕ/ИСЧЕЗНОВЕНИЕ; СТЫД – ЭТО ФИЗИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ; СТЫД – ЭТО МУЧЕНИЕ; СТЫД – ЭТО НАКАЗАНИЕ; СТЫД – ЭТО ВНУТРЕННЯЯ СУБСТАНЦИЯ. Они вводят в содержание концепта признаки, которые словарные дефиниции передают слабее: *телесность, температурную маркированность, сокрытие и дистанцирование, болезненность, агентивность, интенсивность* и *внутреннюю локализацию*. Именно на уровне текста эти стороны стыда становятся наиболее заметными.

Ценностное содержание концепта СТЫД связано с системой нравственных представлений, закреплённых в русском языке. Стыд получает преимущественно положительную оценку, когда свидетельствует о способности человека замечать нарушение нормы и оценивать собственное поведение с нравственной точки зрения. Особенно хорошо это видно при сопоставлении *стыда* и *бесстыдства*. Выражения *потерять стыд*, *ни стыда ни совести*, *бесстыжие глаза* характеризуют отсутствие стыда отрицательно. В данном случае отрицательная оценка распространяется не только на эмоциональное состояние человека, но и на его поведение, не соответствующее принятым нравственным нормам. Показательным примером служит фразеологизм *ни стыда ни совести*, в котором отрицательная конструкция *ни… ни…* подчёркивает отсутствие нравственных ограничений и характеризует человека как бесстыдного, пренебрегающего моральными требованиями.

Регулятивная роль чувства стыда проявляется в разных ситуациях. Он может возникнуть уже после поступка, когда человек осознает его несоответствие норме. Но возможна и обратная последовательность: ожидание возникновения чувства стыда или отрицательной реакции окружающих влияет на поведение заранее. В этом случае ещё не пережитое чувство становится своеобразным ограничителем возможного действия.

Если рассматривать концепт СТЫД как социально-нравственное чувство, то обнаруживаются семантические и ценностные связи со смежными нравственными концептами СОВЕСТЬ, ЧЕСТЬ и ДОСТОИНСТВО. При этом их содержание не тождественно, что проявляется в значениях соответствующих лексических

единиц и особенностях их контекстного употребления. Анализ языковой репрезентации концепта СТЫД позволяет выявить общие для этих концептов признаки, связанные с нравственной оценкой поведения человека, а также установить смысловые различия между ними. Совесть как явление чувственного мира в большей степени обращена к внутренней оценке собственного поведения, а осмысленные ценностные ориентиры «честь» и «достоинство» связаны с представлениями о нравственной ценности личности. Связь стыда со смежными нравственными категориями проявляется в ситуациях, когда человек осознаёт несоответствие собственных качеств или совершённого поступка принятым нравственным нормам и представлениям о должном поведении.

Особого внимания заслуживают языковые контексты, в которых переживание стыда связано не с собственным поведением человека, а с поступками других людей. Субъект сам не совершает осуждаемого действия, однако испытывает чувство неловкости или стыда в связи с увиденным. Одно из современных обозначений такого переживания – *испанский стыд*. Полностью отождествлять его с коллективным стыдом, на наш взгляд, не следует. В первом случае речь чаще идёт о реакции на чужое поведение, во втором существенной становится идентификация человека с определённой группой. В русском языковом материале чувство стыда выходит за пределы индивидуальной самооценки: поведение человека соотносится не только с представлениями о допустимом, но и с оценкой окружающих. Отсюда устойчивые связи понимания чувства стыда с *совестью*, *честью*, *достоинством*, *позором* и *репутацией*. В его аксиологической зоне особенно заметно противопоставление чувства стыда и бесстыдства: способность испытывать стыд связывается с нравственным самоконтролем, тогда как бесстыдство получает отрицательную оценку. Тем самым чувство стыда участвует в регуляции поведения и может возникать не только в связи с собственным поступком, но и с действиями другого человека или группы.

Психологические и языковые данные обнаруживают общую смысловую основу чувства стыда, хотя представляют её по-разному. Психология обращена прежде всего к самому переживанию и реакциям человека, язык – к тому, что из этого опыта закрепляется в коллективном сознании. На обоих уровнях выявляются социальная обусловленность, рефлексивность, нормативно-ценностная ориентированность, отрицательная самооценка, эмоциональный дискомфорт, зависимость от оценки Другого, стремление к сокрытию и регулятивная функция. В языке одни из этих признаков входят в словарные толкования, другие обнаруживаются только в устойчивых выражениях и текстах. Отдельные характеристики стыда как социально-нравственного чувства получают в языке не прямое обозначение, а косвенное выражение посредством описания телесных реакций, поведения человека и образных средств. Телесная реакция передаётся через жар, холод, покраснение и дрожь, желание уйти от чужой оценки – через отведённый взгляд, сокрытие лица или удаление. Стыд давит, мучает, тяготит, становится наказанием, так психологически описываемое переживание получает в языке конкретный образ.

Некоторые характеристики в выборке выражены слабо: механизмы формирования чувства стыда, психологические защитные реакции, индивидуальная интенсивность и ситуативная динамика. Их можно рассматривать как *лакуны языковой экспликации в пределах исследованного материала,* но не как отсутствие соответствующих знаний в структуре концепта. Есть и обратная сторона: язык представляет чувство стыда как субстанцию или самостоятельную силу, помещает его в душу и сердце, связывает с образами сокрытия и исчезновения, а также с честью, достоинством, позором и репутацией. Здесь уже особенно заметна культурная переработка переживания. Таким образом, междисциплинарный подход, объединяющий данные психологии эмоций и результаты лингвокогнитивного анализа, позволяет построить более полную модель концепта СТЫД. Сопоставление характеристик стыда как социально-нравственного чувства с особенностями его языковой репрезентации способствует уточнению содержания концепта, выявлению его понятийных, образных и ценностных признаков, а также определению их взаимосвязей в структуре концепта.

Итоговая структура модели концепта СТЫД

По результатам анализа в структуре концепта СТЫД выделяются ядро, ближняя и образная периферия, а также аксиологическая зона. Отдельно учитываются психологически значимые признаки, не получившие прямого выражения в исследованном языковом материале.

Ядро концепта составляют *социальная и нормативно-ценностная обусловленность, осознание несоответствия норме, отрицательная самооценка, рефлексивность, эмоциональный дискомфорт, зависимость от социальной оценки, нравственный самоконтроль, регулятивность, связь с ВИНОЙ и СОВЕСТЬЮ*. Именно эти признаки наиболее устойчивы в словарном материале и одновременно значимы для психологического описания чувства стыда.

Ближняя периферия выводит чувство стыда в пространство общественной оценки: сюда относятся *осуждение, честь, достоинство, репутация, социальный контроль и ответственность перед другими*. Здесь же находится *бесстыдство* как отрицательно оцениваемая противоположность стыда.

Образная периферия устроена иначе. Стыд описывается как чувственно воспринимаемая форма и раскрывается через несколько образных кодов:

– соматический и физиологический код – *жар, холод, изменение цвета лица, дрожь*;

– пространственный код – *сокрытие, отведение взгляда, стремление стать незаметным, дистанцирование*;

– антропоморфный и витально-агрессивный код – *воздействующая сила, тяжесть, боль, мучение, наказание*;

– локативный код – *душа, сердце, внутреннее пространство, субстанциональность стыда*.

Аксиологическая зона раскрывается через противопоставление чувства стыда и бесстыдства: стыд связывается с нравственным самоконтролем, бесстыдство – с его отсутствием или ослаблением. Способность испытывать

стыд при нарушении нравственной нормы получает положительную оценку, поскольку рассматривается как проявление нравственного самоконтроля. Бесстыдство, напротив, указывает на отсутствие или ослабление такого нравственного ограничения. Выявленные информационно-дефиниционные, образные и аксиологические признаки, а также их распределение между ядром и периферией составляют основу структурной модели концепта СТЫД, представленной на Схеме 1.

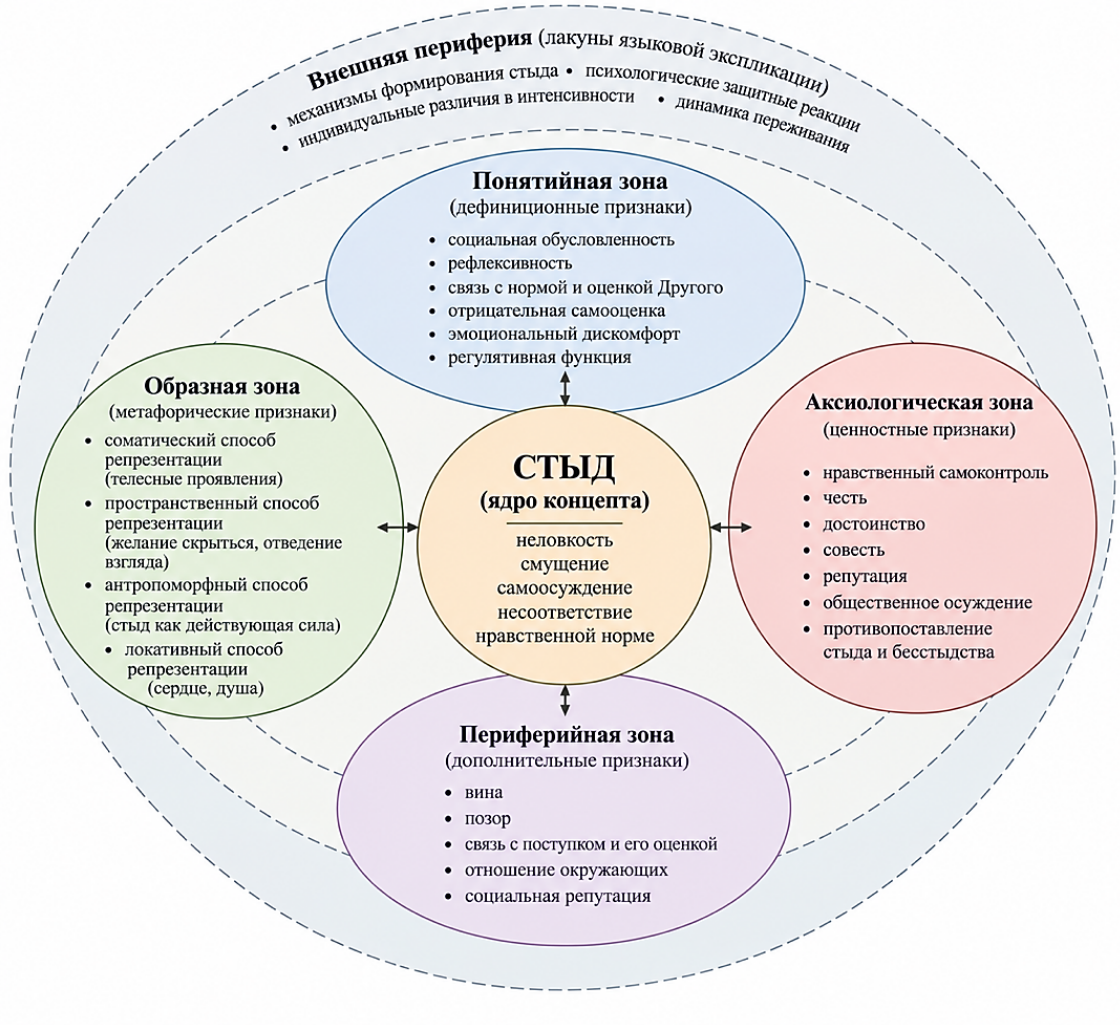

Схема 1. *Структурная модель концепта СТЫД*

Не все характеристики чувства стыда, выделяемые в психологических исследованиях, находят столь же отчётливое выражение в языковом материале. К лакунам языковой экспликации в пределах исследованной выборки относятся механизмы формирования чувства стыда, психологические защитные реакции, индивидуальные различия в интенсивности переживания и отдельные особенности его динамики. Недостаточная представленность указанных характеристик в проанализированных языковых контекстах не свидетельствует об их отсутствии в содержании концепта СТЫД, а указывает на ограниченную степень их экспликации в исследованном материале.

В центре концепта, как показывает проведённый анализ, находится несоответствие человека или его поведения принятой норме и связанная с этим отрицательная оценка. Дальше это содержание развивается по-разному: через общественное осуждение и репутацию, телесные ощущения и пространственное поведение, образы боли, наказания, сердца и души. Поэтому периферия здесь не просто расширяет перечень признаков, а показывает, как абстрактное нравственное содержание стыда приобретает в языке социальную, телесную и образную форму.

Заключение

Исследование, проведённое на основании сопоставления характеристик стыда как социально-нравственного чувства с особенностями языковой репрезентации концепта СТЫД, позволило прийти к следующим выводам. Установлено, что психологическое и лингвистическое описания имеют ряд общих признаков, к которым относятся социальная обусловленность стыда, рефлексивность, связь с нравственной нормой и оценкой Другого, отрицательная самооценка, эмоциональный дискомфорт и регулятивная функция. Вместе с тем степень представленности данных характеристик в языке неодинакова. Особое место занимает соотношение стыда

и вины. Оба чувства связаны с осознанием нарушения нравственной нормы, однако вина преимущественно направлена на оценку совершённого поступка, тогда как стыд активизирует рефлексию человека о самом себе и собственных качествах. При этом механизмы формирования чувства стыда, психологические защитные реакции, индивидуальные различия в интенсивности и отдельные особенности динамики переживания не получают столь же отчётливого выражения в исследованных языковых контекстах. Указанные характеристики рассматриваются как лакуны языковой экспликации в пределах проанализированной выборки, что не свидетельствует об их отсутствии в содержании концепта.

Анализ этимологических, толковых и синонимических словарей позволил реконструировать информационно-дефиниционное и этимологическое ядро концепта СТЫД. В его содержании выделяются признаки неловкости, смущения, самоосуждения и осознания несоответствия поведения принятым нравственным нормам. Лексикографические данные обнаруживают семантические связи чувства стыда с виной, совестью, позором и честью, однако значения соответствующих языковых единиц не совпадают полностью. Словарные толкования отражают наиболее устойчивые признаки концепта, тогда как этимологические сведения позволяют проследить исторически сложившиеся смысловые связи, участвовавшие в формировании его содержания. При этом информационно-дефиниционное ядро не исчерпывает всей совокупности представлений о стыде, поскольку дополнительные признаки актуализируются во фразеологических единицах, паремиях и художественных текстах.

Исследование художественных и корпусных контекстов позволило выявить и систематизировать соматический, пространственный, антропоморфный и локативный способы образной репрезентации концепта СТЫД. Соматические признаки выражаются через описания покраснения, ощущений жара и холода, а также других телесных реакций. Пространственные образы связаны с отведением взгляда, стремлением скрыться и избежать внимания окружающих. Антропоморфная репрезентация проявляется в осмыслении чувства стыда как действующей силы, способной причинять боль, подавлять и наказывать человека. Локативные признаки обнаруживаются в представлениях о стыде как о чём-то находящемся внутри человека, прежде всего в сердце или душе. Выявленные способы репрезентации свидетельствуют о том, что языковое содержание концепта СТЫД выходит за пределы словарных дефиниций и включает устойчивые образы, посредством которых осмысляется нравственное переживание.

Анализ ценностных признаков концепта СТЫД выявил его связь с представлениями о совести, чести, достоинстве, репутации и общественном осуждении. В языковом материале стыд осмысляется не только как отрицательное эмоциональное переживание, но и как проявление нравственной чувствительности, предполагающей способность человека оценивать собственное поведение с точки зрения принятых норм. Особое значение имеет противопоставление стыда и бесстыдства, закреплённое во фразеологических и паремиологических единицах. Отсутствие стыда характеризует не только эмоциональное состояние, но и нравственные качества личности, её отношение к окружающим и соблюдению общественных норм. Таким образом, концепт СТЫД занимает значимое место в ценностной системе русской лингвокультуры. Его содержание объединяет понятийные, образные и аксиологические признаки, отражающие способы языкового осмысления нравственного опыта. Сопоставление психологических характеристик стыда с данными лексикографических источников и текстовых контекстов позволяет уточнить особенности языковой концептуализации данного чувства и установить его роль в представлениях о нравственном самоконтроле и социальной регуляции поведения.

В качестве перспектив дальнейшего исследования можно выделить изучение репрезентации чувства стыда в современной медиакоммуникации и интернет-дискурсе, сопоставление русского концепта СТЫД с иноязычными аналогами, а также уточнение границ между концептами СТЫД, ВИНА, СОВЕСТЬ, ЧЕСТЬ и ДОСТОИНСТВО.

Материалы исследования | Research materials

1. БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1998. Т. 4: Р-Я.
3. Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. Изд-е 7-е, стер. М.: Русский язык, 2000.
4. Иванова Н. Н. Словарь языка поэзии (образный арсенал русской лирики конца XVIII – начала XX в.). М.: Институт русского языка Российской академии наук, 2004.
5. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. https://ruscorpora.ru
6. ССРЯ – Словарь синонимов русского языка: в 2 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: АСТ, 2003. Т. 2: О-Я.
7. ТСРЯ – Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Терра, 1996. Т. 4: С – Ящур.
8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Изд-е 4-е, стер. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М.: Прогресс, 2003. Т. 3: Муза – Сят.
9. Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. Изд-е 2-е, испр. и доп. / под ред. С. Г. Бархударова. М.: Просвещение, 1971.

Источники | References

1. Апресян В. Ю. Опыт кластерного анализа: русские и английские эмоциональные концепты // Вопросы языкознания. 2011. № 1.
2. Апресян В. Ю. Опыт кластерного анализа: русские и английские эмоциональные концепты // Вопросы языкознания. 2011. № 2.

3. Арутюнова Н. Д. О стыде и совести // Логический анализ языка. Языки этики: сборник статей / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Языки русской культуры, 2000.
4. Арутюнова Н. Д. О стыде и стуже // Вопросы языкознания. 1997. № 2.
5. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. Тамбов: Изд-во Тамбовского государственного университета, 2001.
6. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1.
7. Дарвин Ч. О выражении эмоций у человека и животных. СПб.: Питер, 2001.
8. Дженкова Е. А. Концепты «стыд» и «вина» в русской и немецкой лингвокультурах: автореф. дисс. … к. филол. н. Волгоград, 2005.
9. Залевская А. А. Национально-культурная специфика картины мира и различные подходы к её исследованию // Языковое сознание и образ мира: сборник научных статей. М., 2000.
10. Изард К. Э. Психология эмоций / пер. с англ. В. Мишнева, А. Татлыбаевой. СПб.: Питер, 2002.
11. Ильин Е. П. Эмоции и чувства. СПб.: Питер, 2002.
12. Иоанесян Е. Р. Семантика стыда // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков: сборник научных трудов Института языкознания Российской академии наук. М.: Институт языкознания Российской академии наук, 2016. Вып. 8.
13. Малахова С. А. Личностно-эмоциональные концепты «гордость» и «стыд» в русской и английской лингвокультурах: автореф. дисс. … к. филол. н. Волгоград, 2009.
14. Малахова С. А. Семантическая структура концепта «стыд» в русском поэтическом дискурсе // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2008. № 6.
15. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику. М.: Флинта; Наука, 2004.
16. Пименова М. В. Типы концептов и этапы концептуального исследования // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. Т. 2. № 2 (54).
17. Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка: монография. Воронеж: Истоки, 2007.
18. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм / пер. с фр. М. Н. Скуратова // Сумерки богов / сост. и общ. ред. А. А. Яковлева. М.: Политиздат, 1989.
19. Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как системное образование // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. 2004. № 1.
20. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры: Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997.
21. Стернин И. А. Концепты и невербальность мышления // Филология и культура: сборник. Тамбов, 1999. Ч. 3.
22. Хуан И., Волкова Я. А. Лексикографический анализ номинантов концепта «стыд» в китайском и русском языках // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 9 (45). https://doi.org/10.18454/RULB.2023.45.10
23. Цуй Хуэйин. Метафорические модели концепта СТЫД на материалах речевого жанра интернет-откровения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. № 11. https://doi.org/10.30853/phil20240555

Информация об авторах | Author information

RU

Варенкова Наталья Ивановна[1]
[1] Воронежский государственный педагогический университет

EN

Natalia Ivanovna Varenkova[1]
[1] Voronezh State Pedagogical University

[1] *natali.melnichuk00@mail.ru*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 24.09.2026; опубликовано online (published online): 13.11.2026.

Ключевые слова (keywords): концепт СТЫД; русская лингвокультура; социально-нравственное чувство; языковая репрезентация стыда; образная структура концепта; concept SHAME; Russian linguoculture; social and moral emotion; linguistic representation of shame; figurative structure of a concept.